

ИСТИНА КАК ИДЕАЛ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Э. ПЕТРОСЯН

Современная эпоха, отмеченная небывалым противоборством социально-классовых сил на международной арене, обострением всего комплекса глобальных противоречий, углублением научно-технической революции, обнажила проблему ценностной определенности науки, ее тесных связей с общественными идеалами. Теперь значительно ярче проявляется статус науки как социального института, непосредственно включенного в разветвленную структуру практических столкновений. Она предстает как массовое производство знаний, направленных, в конечном счете на удовлетворение человеческих потребностей. В этих условиях гораздо острее воспринимаются конструктивные, творческие характеристики исследовательского труда.

Как отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «прогресс человечества непосредственно связан и с **научно-технической революцией**. Вызревала она исподволь, постепенно, чтобы затем, в последнюю четверть века, дать начало гигантскому приращению материальных и духовных возможностей человека. Возможностей двоякого рода. Налицо качественный скачок в производительных силах человечества. Но и качественный скачок в средствах разрушения, в военном деле, впервые в истории «наделивший» человека физической способностью уничтожить все живое на Земле» (Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 9). Поэтому большое значение ныне приобретает углубленный анализ научной истины как идеала познавательной деятельности, и не только в гносеологическом аспекте, раскрывающем ее главенствующую роль в рамках самого исследования, но и в аспекте социальном, который выявляет ее место в определенном общественно-историческом контексте, в связи с конкретными целями и ценностями поступательного развития цивилизации.

Поиск истины как творчество

Познание, возникающее как способ идеального освоения окружающего мира, как средство практической ориентации в нем, с необходимостью приводит к представлениям и понятиям, концепциям и теориям, в которых отображаются реальные черты и свойства материальных объектов, попадающих в сферу интересов человека. Они заключают в себе прежде всего некоторые раз и навсегда установленные факты. Но в них содержатся также неполные, незавершенные элементы, в недостаточной степени характеризующие изучаемое явление, и даже разного рода заблуждения. Следовательно, сама истина обладает внутренне расчлененной структурой: она выражает единство абсолютного и относительного моментов. Последнее, в свою очередь, не может быть чем-то заданным и застывшим; оно выступает как форма перехода от незнания к знанию, от менее полного и основательного ко все более многостороннему и глубокому знанию. Выработка новых понятий, обогащение их содержания означают приближение к объекту, хотя и не способны его исчерпать. Познание беспредельно, как бесконечен и сам окружающий нас мир.

Поскольку истина не дается человеку сразу и в полном объеме, поиск ее должен являться процессом, как избирательным, упорядочивающим, так и изобретающим, созидающим. Исследовательская деятельность сама по себе относительно свободно строит свои формы и структуры, которые затем подвергаются тщательной проверке: они сопоставляются с уже обоснованным знанием, применяются в общественной практике, используются для построения мира человека, «очеловечения» природы. Именно практика является абсолютным критерием истины; в ней человек как бы доказывает «посюсторонность» своего мышления.

Конструктивный, творческий характер поиска истины обнаруживается уже на исходных ступенях познания, когда умственная деятельность и мыслительные образования непосредственно вплетены еще в ткань производства. Даже в самых простых случаях мышление не просто воспроизводит внешнюю форму и отличительные особенности предметов, но стремится проникнуть в их внутренний строй, разглядеть за случайными признаками сущностные определения. Поэтому важным моментом человеческого сознания является свободная перекombинация воспринятого, построение иерархии образов, не имеющих прямых аналогов в наблюдаемых явлениях, и вместе с тем интегративное представление разрозненных впечатлений. С возникновением науки эта функция в значительной мере усложняется, совершенствуется, оснащается новыми средствами и механизмами. Эмпирическое мышление, выступающее в качестве первой ступени научного познания мира, обладает огромным арсеналом методологических ориентиров и логических структур, направленных на разгадку «тайн» природы, а также эвристических приемов и регулятивов, способных осветить тернистый путь исследователя (см.: Петросян А. Э. Проблема открытия эмпирического закона // *Вопр. филос.* 1983, № 12. С. 72—76). В свою очередь, теоретическая наука не ограничивается творческим отношением к объекту и познавательной информации; она превращает исследовательский инструментарий и нормы, а также правила познания в самостоятельный предмет анализа. Формирование мира особых и даже «независимых» идеальных образований и конструкций не сводится к простому обобщению опытных данных и эмпирико-методологических схем. Рассматривая содержание знания как идеальную сущность, научно-теоретическое мышление не только фиксирует или выделяет его в заданных формах, но «строит, воспроизводит его на своей собственной основе, подвергая критико-рефлексивному исследованию в соответствии со своими нормами и принципами» (Лекторский В. А., Швырев В. С. *Диалектика практики и теории* // *Вопр. филос.* 1981. № 11. С. 15—16).

Однако конструктивно-творческая работа сознания обязательно должна быть направленным и целеустремленным процессом. Значит, в основе ее находится некоторое предвосхищение истинной картины вещей, непосредственное «усмотрение» в них важнейших черт и характеристик. Дальнейшее же познание, по существу, сводится к разворачиванию внутренней структуры исходного представления, к связыванию с многообразной совокупностью ранее добытых знаний, с одной стороны, и к обоснованию, доказыванию первоначальной догадки, а потому и к ее коррекции, приданию ей более адекватной формы — с другой. Такое предвосхищение объективной истины реализуется в научном исследовании в виде идеи, определенного импульса к углублению понимания предмета. Возникая как синтетическое начало познания, она организует научный материал, придает ему характер связности, внутреннего единства, превращает его в логически целостное учение.

Таким образом, научная идея постоянно лежит в центре внимания исследовательской деятельности: от нее исходят все познавательные нити, и к ней же они возвращаются, обогатившись новыми результатами. Она определяет собой каждый этап поиска, непосредственно воздействуя на выбор не только путей познания, но и его средств. Следовательно, идея выполняет роль идеала научного исследования, внутренней направленности его развития, той модели, к которой оно стремится, и в то же время мерки, регулирующей его продвижение. Однако эту основополагающую функцию она может осуществлять лишь постольку, поскольку выступает в качестве предвосхищения истины, иначе говоря, той формы, в которой она первоначально представляется. Вот почему сама истина является еще более фундаментальным идеалом, детерминирующим важнейшие характеристики научной идеи. Более того, такие параметры последней, как авторитет и долговечность, непосредственно связаны с тем, насколько адекватно в ней выражена объективная истина.

Истина как гносеологический идеал

Научная истина как идеал носит прежде всего гносеологический характер, а именно обладает высшей ценностью в рамках самой познавательной деятельности. И хотя она не существует в отрыве от социально-исторических «измерений», рассмотрение ее аксиологических достоинств в исследовательском процессе составляет необходимую предпосылку и теоретическое основание ее ценностного анализа в контексте общественного прогресса.

Буржуазное философско-методологическое сознание, будучи не в силах справиться со сложнейшими вопросами научного поиска, а также опираясь на определенные классовые позиции, не желает признать истину его основной целью. Правда, убедившись в абсолютной бесперспективности ее полного игнорирования, оно вынуждено заменить этот притягательный стимул неким суррогатом. Поскольку, по мнению К. Поппера, не существует строгих критериев истины, исследователь не в состоянии сколько-нибудь достоверно оценить гипотезу; соответственно, идея истины является всего лишь «регулятивным» принципом, непосредственно не играющим серьезной роли в познании. «Поиски правдоподобия,— заявляет он,— представляют собой более ясную и реалистическую цель, нежели поиски истины» (Popper K. *Objective knowledge An evolutionary approach*. Oxford, 1979. P. 57). Выходит, прогресс науки состоит в последовательной смене теорий, каждая из которых выглядит правдоподобнее предыдущей.

Но, во-первых, сама трактовка правдоподобности, если она подразумевает приближение наших знаний к объекту, находится в весьма тесной зависимости от истины. При определении степени правдоподобия она с необходимостью предстает в качестве эталона некоторой научной гипотезы. Равным образом в основе всего многообразия ориентиров и норм, предназначенных для оценки последней, лежит критерий истины (см.: Садовский В. Н. О философско-методологическом анализе научного прогресса // *Филос. науки*. 1981. № 5. С. 82). Круг, стало быть, замыкается, при этом становится очевидным, что без него невозможно составить приемлемой картины научного развития. И далеко не случайно, что уже и в западной логике науки среди сторонников «правдоподобия» открыто признается, что его расхожие дефиниции буквально «начинены техническими сложностями и тем не менее не говорят нам ничего определенного о том, что позволяет отличить более правдоподобную теорию от менее правдоподобной» (Miller D. *Truth, truthlikeness, approximate truth* // *Fundamenta scientiae*. Oxford, 1982. Vol. 3. № 1. P. 95). Соответственно, весьма ничтожным представляется и их методологическое или эвристическое значение.

Во-вторых, если некая теория не отображает объективную истину, то она будет отброшена с появлением новой, более правдоподобной. Точно так же последняя уступит место следующей. Итак, выстраивается длинный ряд в целом неистинных (ложных) теорий, каким-то непостижимым образом составляющий известное приближение к истине. Но ведь сама она принципиально не поддается определению. Выходит, что и истина, и правдоподобие оказываются чем-то потусторонним по отношению к конкретным исследовательским процедурам, к живой динамике творческого поиска, недостижимым метафизическим ориентиром.

Именно отчетливое осознание бесперспективности такого подхода к оценке научных знаний привело, например, П. Фейерабенда к предельной субъективизации исследовательской деятельности. Раз отсутствуют сколько-нибудь эффективные критерии адекватности гипотез и теорий, их следует непрерывно размножать, не связывая это с какими бы то ни было проверками независимо от подтверждающих или противоречащих данных. Значит, руководящей идеей познания неизбежно становится методологический анархизм.

Истина безусловно является главной целью научного поиска. Его назначение как раз и состоит в восхождении к ней от многообразия видимости, разрозненности явлений, в переходе от сиюминутного и случайного к бесконечному и фундаментальному, от непосредственности чувственных данных к ос-

мысленности и обоснованности концептуальных образований. Однако в таком понимании цель остается еще весьма расплывчатой и неопределенной. Будучи только намерением, стремление к истинности результатов, сопутствующее каждому подлинно научному исследованию, не может само по себе ограничивать «поле» рассмотрения, а тем более задавать некоторые относительно строго фиксированные параметры разрабатываемого знания. Напротив, когда познающему разуму удается предвосхитить в той или иной форме природную закономерность, полученная идея становится действующей целью. С одной стороны, само стремление к истине конкретизируется, наполняется четко очерченным содержанием, ибо исследователь имеет в виду теперь не истину вообще, а вполне определенную истину, ожидающую своего развертывания и доказательства, а с другой стороны, эта идея начинает организовывать научный поиск, указывать его пути и направления, связывать между собой пока еще разрозненные положения.

Таким образом, истина как познавательный идеал есть в то же время и определенный критерий адекватности исследования. Доказанное знание, твердо установленные факты в известных пределах способны решать вопрос о достоверности тех или иных концепций. Как справедливо замечает А. М. Коршунов, «в процессе научного поиска субъект обязательно сопоставляет вновь возникающие у него идеи с существующими теориями, принципами, законами. Установление соответствия или несоответствия их друг другу направляет поиск, определяя максимальные возможности достижения необходимого результата» (Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979. С. 189). Однако каждое отдельное исследование руководствуется не только и не столько общими соображениями и всей совокупностью научных знаний в целом, логическими приемами и правилами, сколько весьма конкретными основополагающими идеями. Истинность последних, если она доказана, служит серьезной гарантией верности избранного ученым пути. Выступая как элементы научной картины мира в самом широком смысле (а точнее как образ исследуемого предмета), эти представления способствуют более полному охвату объективной истины, ибо являются ее частью, составным компонентом. Она как бы становится моделью, копию которой и представляет наша картина объекта, и чем больше в последней схвачены ее сущность и особенности, тем шире раскрывает она перспективы дальнейшего познания. Как подчеркивал В. И. Ленин, «исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 138).

Особое значение функции истины как определенного критерия адекватности исследования проявляется в науках, тесно связанных с социальными интересами, идеологическими формами человеческого сознания, с политическими целями и идеалами. Исследовательские трудности и препятствия, встречающиеся в полном объеме и в науках естественных, удаленных от сфер классовых битв, неизмеримо возрастают и создают дополнительные барьеры для ученого. В этих условиях резко повышается значение его идейно-методологической позиции, научных установок и принципов, словом, того комплекса мировоззренческих регулятивов и ценностей, который принято называть партийностью.

Буржуазное философское сознание также известным образом преломляет эту закономерность; его защитники нередко тоже утверждают, что «беспартийность совершенно невозможна». Но при этом указанный тезис подвергается предельной абсолютизации, которая неизбежно девальвирует систему исследовательских норм, лишает их объективного содержания. И получается, что «стандарты, по которым мы проверяем наши гипотезы и которые оказывают влияние на то, что мы вообще рассматриваем как факт, зависят от наших интересов» (Keith H. Realist und Wahrheit. Zur Kritik des kritischen Rationalismus. Tübingen, 1978. S. 196).

Однако партийность является не просто выражением субъективной пози-

ции ученого, проявлением его личных симпатий и антипатий; в ней так или иначе трансформируется все многообразие его теоретических и методологических представлений, вся доступная ему истина. Так, коммунистическая партийность означает сознательное отстаивание интересов рабочего класса, основанное на глубоком понимании тенденций и перспектив мирового социально-исторического развития, того важного обстоятельства, что интересы эти принципиально совпадают с общечеловеческими, со всей линией общественного прогресса. Следовательно, каждая вновь открытая социальная закономерность должна полнее раскрыть это совпадение, углубить наше представление об освободительной борьбе пролетариата, содействовать ускоренной реализации объективной направленности исторического процесса. Именно поэтому коммунистическая партийность в определенном смысле может выступать как критерий научности исследовательской деятельности, истинности его результатов.

Наконец, истина как гносеологический идеал предстает в качестве конечного результата каждого познавательного цикла. Разумеется, это не означает получение абсолютной истины в последней инстанции. Многие научные выводы отрицаются, преобразуются в свете новых данных, а то и вовсе отбрасываются. Но большинство из них вносит свой вклад в динамику развития науки, содержит зерна истины. Что же касается фундаментальных результатов, то они непосредственно входят в его золотой фонд, делая картину мира более полной, глубокой и систематичной. Реализованная теоретическая идея становится конкретной целостностью, включающей в себя и крупную абсолютной истины, а также служит отправным пунктом новых исследовательских циклов. И как раз диалектику ступеней и этапов познавательной деятельности, ее неизменных, постоянных и относительных, текучих моментов не в силах постичь буржуазная философская мысль. Согласно рассуждению, например, Х.-Д. Хекмана, «полная совокупность *A* всех истинных высказываний есть бесконечное множество, тогда как подмножества *R* являются конечными; они выражают ограниченное состояние познания в определенный исторический период. Между конечными и бесконечными множествами не может быть никакого приближения. Пропасть между каждым конечным и некоторым бесконечным множествами одинаково глубока, а именно бесконечна» (Heckman H.-D. Was ist Wahrheit Eine systematisch-kritische Untersuchung philosophischer Wahrheitsmodelle. Heidelberg, 1981. S. 111). Правда, он допускает возможность роста знания и научного прогресса, но уверяет, что они не имеют «абсолютно ничего общего с неким приближением к абсолютной истине» (Ibidem).

Конечно, если не признавать за отдельными представлениями или концепциями ни грани истинного содержания, то даже их беспредельный ряд не способен продвинуть нас к истине объективной. Однако в том-то и дело, что в них отражаются различные свойства и черты материального мира. Более того, они представляют собой не однопорядковые и равноценные мыслительные образования, а концептуальные системы со все возрастающей информационной емкостью. Новая справедливая теория не просто схватывает какие-то не замеченные ранее характеристики объекта, она расширяет наше видение мира, обобщает предыдущие знания и снимает их в себе как предельный случай. В то же время совершенно непонятно, каким образом, отрицая приближение человеческого познания к объективной истине, можно говорить о прогрессе науки. Ведь тогда размываются все критерии достоверной оценки ее положений, исчезают ориентиры исследовательской деятельности. Отрывая истину от самого внутренне противоречивого и многотрудного процесса поиска, буржуазная эпистемология противопоставляет ее как былым ошибкам, так и грядущим успехам научной мысли: коли она добыта сегодня, выходит, все предшествовавшие результаты были ложными; и, соответственно, если нынешние представления подвергаются поправкам и обобщениям, то наше убеждение в их истинности было не более чем наивным заблуждением. Но хотя границы истинного знания и сферы его применения остаются открытыми, оно тем не менее выступает логическим завершением минувшего исследовательского цикла.

Истина как социальный идеал

Трактовка истины лишь как гносеологического идеала оказывается весьма узкой, поскольку она, по существу, изолирует познание от широкого контекста социальных коллизий, материально-преобразовательной деятельности, многообразных форм духовной жизни. В результате теоретическая идея, знаменующая собой начало творческого поиска, остается оторванной от существующих общественных условий, насущных нужд человека, от его жизненных проблем. Возвысившись над его непосредственной действительностью, она приобретает достоинство самодовлеющей цели, совершенно свободной от внешних мотивов и побудительных импульсов.

Между тем в основе исследовательской активности лежат практические идеи, в которых находят обобщенное выражение человеческие цели и ценности, характеризующие степень неудовлетворенности окружающим миром и масштабы и направления его преобразования. Осваивая природный материал, вовлекая его в сферу своей жизнедеятельности, человек не может ограничиться модификацией наличных форм и структур; он «осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189).

Намерения и стремления субъекта естественным образом составляют остов практической идеи, который в итоге служит источником возникновения идей теоретических и задает их направленность. Стало быть, научные понятия и представления, выработанные в ходе исследования и отражающие действительное положение дел, не только сохраняют прочные связи с социальными потребностями, но и выстраиваются в качестве необходимых звеньев в формирующейся структуре той или иной практической идеи. Таким образом, хотя отдельные ученые могут и не подозревать об этом, научная истина выступает в качестве социального идеала, от которого в существенной мере зависит прогресс общества.

Во-первых, объективно-истинный образ изучаемого предмета или явления составляет непосредственную предпосылку практической идеи, ее ближайшую основу. Без него человек не только не способен успешно осуществлять преобразование наличного природного материала, но даже не в силах адекватным образом сформулировать свое отношение к нему, а потому и осознать свои собственные цели и нужды. Следовательно, само формирование новых практических идей невозможно помимо углубленного познания окружающего мира, его основополагающих свойств и характеристик. Идеальное воспроизведение последних в концепциях и теориях субъекта позволяет соотнести их с его потребностями и интересами.

Во-вторых, субъективные цели и намерения также не могут быть произвольными, иначе они рискуют остаться нереализованными. Их кажущаяся свобода (автономия) проистекает из творческой активности сознания, но последнее не в состоянии игнорировать внешний мир. Задачи конкретизации и совершенствования практической идеи, а значит, и оптимизации материально-преобразовательной деятельности требуют исследования самих социальных целей и ценностей, их адекватности законам природы и общества.

И наконец, в-третьих, разветвленная производственная и социально-историческая практика нуждается в длинной цепи опосредствующих звеньев в отношении человека к природе. Техника и технология, создаваемые им для их обслуживания, также основываются на истинном познании, причем функции последнего настолько расширяются, что приводят к возникновению целого комплекса наук, изучающих пути и способы воздействия на природный материал. Они призваны, с одной стороны, выработать средства и методы реализации поставленных целей, а с другой — раскрыть условия и возможности приложения их к исходным формам и структурам, предоставленным в распоряжение человека.

Научная истина является социальным идеалом, поскольку она обеспечивает формирование практических идей, стимулирует постановку и помогает

корректировать человеческие цели, позволяет выработать средства и отыскать направления их реализации. Она оказывается связанной в конечном итоге с самыми острыми проблемами, волнующими современную цивилизацию. Более того, в некотором смысле именно социальная определенность научной истины, обусловленность общественной практикой выдвигает ее в качестве гносеологического идеала: раз наука исторически возникает как надежный способ ориентации в окружающем мире и могучее орудие материально-преобразовательной деятельности, а наиболее адекватное и эффективное выполнение этих функций, не только не отмирающих в дальнейшем, но, напротив, получающих еще большее углубление и развитие, обеспечивает достижение объективной истины, то последнее, разумеется, и оказывается высшей целью и основной ценностью исследования.

В свете всего этого кажется уже далеко не случайным то обстоятельство, что конкретные характеристики истины как гносеологического идеала в значительной мере зависят от многообразных социальных факторов, что «идеалы и нормы исследования скоррелированы с особенностями культуры соответствующей исторической эпохи и имеют мировоззренческую окраску» (Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. № 23).

При всей своей глубине и широте охвата природы классическая наука являлась довольно-таки фрагментарным образованием. Различные ее отрасли, не говоря уже о весьма неодинаковой степени развития и совершенства, почти не смыкались друг с другом, что неизбежно вело к построению локальных картин мира, едва ли способных объединить разрозненные знания. Всеобъемлющие натурфилософские системы, которые в какой-то мере устранили этот пробел, кроме того, что являлись излишне умозрительными и спекулятивными, как правило, изначально отделяли себя от социального интереса, постулировали свою незапятнанность мирскими императивами. Тем самым они еще более укрепляли мысль об абсолютной автономии царства разума. Хотя и в этот период наука уже представляла собой достаточно внушительную производительную силу (особенно после промышленной революции XVIII в.), некоторая спорадичность и ограниченность индустриального применения ее результатов также не способствовали осознанию ее неразрывных связей с общественными потребностями. Она была еще не в силах со всей остротой проявить свои практические потенции. Одновременно отсутствовали необходимые условия для прямого подчинения ее социальным структурам и механизмам. И наконец, в силу всего этого вместе с недостаточностью исторических предпосылок наука не могла быть непосредственно применена к общественной жизни.

Итак, «автономизация» человеческих концепций и теорий, выделение их в особую, независимо самодовлеющую сферу жизнедеятельности имело под собой вполне определенную объективную основу. И на вопрос о том, что должно быть познано с максимальной ценностью, классическая наука давала такой ответ: «Все что измеримо, рационально вычислимо и экспериментально воспроизводимо, короче, что точно выполнимо» (De Boer W. Ursprung der Wissenschaft // Universitas. Stuttgart, 1984, № 2. S. 151). Исследователь представлял ее обычно «башней из слоновой кости», в которой он мог надежно укрыться от внешних потрясений. Что же касается непреложного факта использования научных результатов как в производстве, так и в повседневной практике, то и от него он весьма деликатно уклонялся. Ученый будто бы стремится к истине, единственному своему идеалу: добыв ее, он считает задачу выполненной. И если приспособление ее к непосредственно-практическим нуждам приводит к негуманным последствиям, он не может нести за это никакой ответственности.

Подобные взгляды, утратившие в наше время какие бы то ни было реальные предпосылки и объективные источники и переставшие выражать дух науки, так или иначе гальванизируются, возрождаются в буржуазной философской мысли. Основная их функция заключается в идеологической демагогии, рафинированном оправдании как отдельных ученых, замешанных в преступлениях против человечности, так и определенной классовой ориентированности суще-

ствующих в капиталистических странах научно-организационных структур и механизмов. «Сообщество ученых,— пишет, например, Я. Броновски,— является простым, ибо оно руководствуется целью выработки истины. Тем не менее оно вынуждено решать проблему всякого общества, которая состоит в нахождении компромисса между человеком и людьми. Нужно поощрять каждого ученого в его независимости и группы ученых в их терпимости. Из этих базисных условий, которые составляют главные ценности, следует шаг за шагом ряд других ценностей: возможность разногласия, свобода мысли и слова, справедливость, честь, человеческое достоинство и самоуважение» (Bronowski J. Science and human values. London, 1964. P. 75).

Таким образом, все богатство социально-ценностной определенности науки сводится к поискам путей устранения внутрицеховых противоречий, а проблема отношения ее к историческим коллизиям выносится за рамки научного сознания. Даже самые близкие к жизни непосредственно общественные ценности (человеческое достоинство, справедливость и т. п.) остаются здесь настолько абстрактными и бессодержательными, что не просто лишаются статуса практических ориентиров, но утрачивают всякий конкретный смысл, а значит, могут быть истолкованы так, как это представляется выгодным господствующим социально-классовым силам.

Сторонники этой позиции апеллируют обычно к изначальному гуманизму науки, который якобы совпадает «с этичностью истины и процесса ее познания», вне связи с общественно-историческим контекстом. Несмотря на значительный рост числа и масштабов ее практических приложений, «классический взгляд стремится отделить эти последние от науки вообще, чтобы сохранить хотя бы видимость своей незамутненности, отвести от науки обвинения в ее причастности к таким технологическим применениям, которые не могут не быть оценены как нарушения принципов гуманизма и морали по крайней мере частично» (Фролов И. Т. Человек — наука — гуманизм. М., 1982. С. 49).

Однако научно-техническая революция в корне изменила наши представления о месте науки в общественной жизни и социальном статусе исследовательского творчества. Интернационализация и глобализация науки, превращение ее в непосредственную производительную силу, с одной стороны, гораздо ярче вскрыли ее проективно-конструктивные возможности, а с другой — добавили новые штрихи к ее социальной характеристике, породили более совершенные средства и открыли кратчайшие пути ее воздействия на отдельного человека и на общество в целом. Более того, перестраивается само организационное здание науки; оно не только все теснее примыкает к непосредственно-практической деятельности, но вместе с тем и основывается на фундаменте человеческих интересов и потребностей. В полном разгаре находится формирование современной системы так называемой большой науки — огромного комплекса многоступенчатых (фундаментальных, прикладных и опытно-конструкторских) исследований, в конечном счете направленных на реализацию заранее заданных целей и ориентиров. «Ценностные ориентации,— отмечает Д. И. Дубровский,— в явном виде начинают включаться в структуру научного объяснения, а сама процедура объяснения перестает быть поиском сущностных связей «самих по себе», взятых безотносительно к целям человеческой деятельности» (Дубровский Д. И. К проблеме изменения стратегических установок научного познания // Идеалы и нормы научного исследования. С. 294).

В свою очередь, конкретное достоинство ценностей науки определяется как существующими государственно-политическими, идеологическими, управленческими структурами и механизмами, так и соотношением сил на международной арене. Поэтому исследования далеко не всегда могут быть одухотворены высшими общественными идеалами и направлены на устранение противоречий и выявление перспектив цивилизации, что прямо доказывается в первую очередь широким разворачиванием целых циклов военных изысканий, грозящих захватить и космическое пространство. Как подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, милитаризм «становится наиболее уродливым и опасным чудовищем XX века, его усилиями самая передовая научно-техни-

ческая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения» (Материалы XXVII съезда КПСС. С. 10).

Даже собственно фундаментальные поиски, за которыми прежде безоговорочно признавалась «презумпция невиновности», ныне двояким образом захвачены «большой наукой». Во-первых, они призваны раскрыть кратчайшие направления к осуществлению исходных целей и реализации заданных ценностей, проанализировать средства и способы конкретных опытно-конструкторских работ. А во-вторых, сами они непосредственно включаются в исследовательскую систему, «переплетаются, органически сливаются с прикладными разработками в единый комплекс» (Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Научно-техническая революция и современная наука // Филос. науки. 1981. № 1. С. 6), обслуживая как их, так и инженерные проекты, и, следовательно, имеют «ориентированный» характер. Это отнюдь не означает утраты либо ущемления мировоззренческой функции науки. Наоборот, лишь постольку, поскольку она «является объективно-истинным знанием о сущности реального мира, она и может осуществлять свою проективно-конструктивную функцию как в области организации социальных отношений, так и в сфере материального производства. Вместе с тем необходимо учитывать, что эта активная роль науки в современном обществе выдвигает новые проблемы при оценке результатов ее деятельности, которые не возникали еще в сравнительно недавнюю эпоху, когда наука традиционно мыслилась в образе некоего чистого, «незаинтересованного» созерцания истины» (Лекторский В. А., Швырев В. С. Диалектика практики и теории. С. 23).

Таким образом, раз исследование открыто вовлекается в культурно-идеологический и политический контекст эпохи, а значит, несет на себе печать ее трудностей и перспектив, достижений и проблем, и предполагаемые результаты его изначально интегрируются в программах социально-практических преобразований, подчиняются их целям и ориентирам, то истина как высший продукт научного познания предстает в качестве фундаментального идеала, от эффективности реализации которого во многом зависит скорость, масштабы и глубина общественного прогресса. В то же время она не может быть самодовлеющей, абсолютной ценностью, ибо ее место в современной цивилизации определяется конкретными историческими условиями, расчлененной иерархией и сложной диалектикой социальных идеалов, первенствующее значение среди которых безусловно принадлежит всестороннему и гармоничному развитию человека, свободному проявлению его творческих возможностей.

* * *

В рамках научного поиска истина остается тем не менее главным идеалом, организующим и систематизирующим всю совокупность его норм и стандартов. Сама структура последних, их способы и формы выражения обусловлены в конечном счете идеалом истинности, так как их основное назначение состоит в такой регуляции и коррекции познавательной деятельности, которая необходимо приводит к верному отображению в понятиях и теориях рассматриваемого объекта (см.: Hempoliński M. Prawda naczelną wartością poznawczą // Studia filozoficzne. Warszawa. 1983. № 1—2. S.14). А вот к каким разрушительным для научного сознания последствиям способны привести не только отказ от него, но даже его недооценка, наглядно демонстрирует закономерная эволюция буржуазных эпистемологических учений, завершившаяся фейерабендовским методологическим анархизмом, в котором провозглашенный ими «критический рационализм» уничтожает сам себя. Истина не прощает столь вольного обращения, а потому отнюдь не случайным является постепенное возрождение интереса к ней в западной философии науки, будь он выражен прямо или в застенчивой форме различных концепций «правдоподобия». Однако лишь диалектический материализм в состоянии адекватным образом представить сущность научной истины как гносеологического, а тем более социального идеала.

*Кафедра диалектического материализма философского факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*